

ХОРОШО помню нашу первую встречу. Переполненный зал театра драмы, который тогда еще не был академическим. Идет «Филумена Мартурано». Имя драматурга — Эдуардо де Филиппо, и добрая слава, завоеванная актерским коллективом, а плуще всего необычайная любовь зрителей к исполнительнице заглавной роли создают некую

В ЖИЗНИ И НА СЦЕНЕ

праздничность атмосферы.

Раскрывается занавес, и вскоре она появляется на сцене. По залу проносится короткий вихрь аплодисментов. Как плеск голубиных крыльев. Другого и ждать было нельзя. Ее любят. Любят давно, с непреходящей верностью. Много лет Антонина Николаевна Самарина на сцене Горьковского театра драмы, и много лет не затухает внимание зрителей к каждому образу, созданному ею.

И вот — Филумена Мартурано. Немного замедленно, не торопясь, развертывает перед нами актриса драмы женщины, отделенной от нас расстоянием, временем, национальными особенностями. Ее Филумена живет в напряженном ритме, в каком идут события, но мы успеваем следить за нею, читать ее мысли, проникаться ее чувствами. Актриса любит свою героиню. Недаром все, что она делает, — гимн сердцу матери, гимн не только Филумене, всем, кто испытал аналогичное.

Долго не отпускают зрители Самарину со сцены по окончании спектакля. В зале нет ни одного человека, не знающего актрису. И я, подхваченный волнами общего энтузиазма и горячей благодарности, звонко и долго аплодирую.

Удивительная это была актриса. Недаром ей первой в истории нижегородского горьковского театра присвоено самое высокое звание — народной артистки СССР. Она владела несбывшимся умением проникать внутрь чувств и мыслей своей героини, делать их своими, передавать зрителям и заставлять их сопереживать.

Пользуясь редкой многосторонностью ее дарования, режиссеры то и дело предлагали ей самые разнохарактерные, порой очень далекие друг от друга роли — от миссис Сэвидж, американки, заключенной в сумасшедший дом, до бабушки из гонимого «Обрыва» — мудрой долгожительницы. И просчетов почти не было.

Что же это? Только талант? Только широта амплуа? Нет. Коллеги Антонины Николаевны хорошо знают ее как неутомимую труженицу, способную всем пожертвовать для театра, для избранной ею профессии. Она не отдыхала от роли; в общем-то, никогда. Думала о ней в фойе театра, по дороге домой, дома — всюду. Если какой-то эпизод не получался, способна была повторять его без конца.

Работа всегда была священной для нее. Однажды на гастролях в Вильнюсе во время репетиции Антонина Николаевна упала и сильно ударила рукой. Все бросились к ней, чтобы помочь. Но она встала и попросила не прекращать работу — репетиция как раз шла на редкость удачно. И довела до конца свою сцену, плотно завязав руку. А рука-то, как потом выяснилось, была сломана...

Десятки ролей переиграла А. Н. Самарина на нашей сцене. Тот чудесный контакт, связывающий ее со зрителями, в большинстве случаев высекал искру вдохновения, и рождалось то самое волшебство, которое называется подлинным искусством.

Вечная, негасимая молодость была спутницей Самариной. Молодостью переполнено было до краев ее искусство. Молодостью души, молодостью отношения к миру. И ее героини не умерли, они живут. Да и она сама, с ее самоотверженностью, добротой, готовностью прийти к человеку на помощь, живет в сердцах друзей — актеров и зрителей.

Она не хотела венков из бумажных цветов, с каким бы искусством мастера не выполнили их. Она предпочитала живые. И вечным неувядающим живым венком стала ей благодарная память тех, кому она помогла и помогает жить своим искусством.

А. ЧЕБОТАРЕВ.

Горьковский рабочий

26 АБТ 1971